

О. С. Поршнева

**КОНЦЕПТ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (1914–1916 гг.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-112-120

УДК 94(47)“1914/1916”

ББК 63.3(2)534

В статье проанализированы репрезентации российского общественно-политического дискурса 1914–1916 гг., в рамках которого мировая война представлялась как справедливая со стороны России и ее союзников. Рассмотрены роль факторов, формировавших образ справедливой войны в сознании европейской политической и культурной элиты, молодого поколения, возникновение идеи «духовности» войны как основы ее легитимации. Подчеркнуто влияние на российские представления о справедливой войне международных конвенций о законах и обычаях войны, специфики социокультурной ситуации, затруднявшей ведение идейно-психологической подготовки к мировому столкновению, способной повлиять на массовое сознание. Образ справедливой войны стал формироваться в России после вступления страны в конфликт и базировался на идее оборонительной войны против внешнего агрессора. Тот факт, что Германия первой объявила войну России, реалии кровопролитного противоборства способствовали формированию и широкой трансляции общественных представлений о «второй Отечественной войне». Концепт «второй Отечественной», апеллировавший к исторической памяти, стал воплощением идеи справедливой войны в российском общественно-политическом дискурсе 1914–1915 гг. Важной составляющей образа справедливой войны в России стали представления о духовно-религиозном смысле противостояния. Они воплощались в идеях о реализации сакральной миссии освобождения Европы и мира от «германизма», защите славянства, «борьбы за правду», утверждении обновленного идеала «Святой Руси». Идеи о «священной войне с германизмом» встраивались в дискурсе прессы в систему представлений о справедливости целей и задач союзников. Другим основанием легитимности войны стали представления, воплощенные в лозунге «война, которая положит конец всем войнам». Влиятельный концепт пропаганды Антанты получил широкий отклик в российских либеральных и демократических органах печати, трактовавших смысл мирового конфликта в политико-правовом ключе. Он рассматривался как путь к установлению новой системы международных отношений, основанной на господстве «силы права» в противовес «праву силы», олицетворяемому Германией. Иллюзии о возможности установления после войны «вечного мира» широко транслировались в прессе, став элементом представлений о справедливой борьбе за лучшее будущее человечества. Оправданием насилия в отношении противника и важным элементом легитимации войны в странах Антанты были представления о «немецких зверствах», широко транслируемые пропагандой. В России, несмотря на нарушение противником международных конвенций, регламентировавших ведение войны, и присутствие этой темы в прессе, образ «немецких зверств» не играл столь же значимую роль, как в странах Антанты.

Ключевые слова: *Россия, Первая мировая война, концепт справедливой войны, общественно-политический дискурс, легитимация насилия*

Легитимация войны как формы реализации национальных интересов стала активно разрабатываться на рубеже XIX–XX вв. политическими и интеллектуальными элитами ведущих европейских государств. Это было связано с обострением противоречий между великими державами, сопровождалось выработкой идейного (рационального) и культур-

но-психологического, символического обоснования целей, исторического смысла и перспектив борьбы государств в разворачивающемся противостоянии.

Представления о справедливой борьбе своей страны за лучшее будущее и перспективы развития формировались в европейских странах в этот период в особой интеллектуально-психологической атмосфере, характеризующейся распространением социал-дарвинистских, националистических и империалистических воззрений. Философы, историки, писатели, публицисты утверждали «естественный» характер борьбы за существование между нациями

Поршнева Ольга Сергеевна — д.и.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: porshneva@yandex.ru

и расами, в результате которой «лучшие» элементы начинают преобладать.¹

В среде европейской культурной элиты получила распространение идея «духовности» войны, которая рассматривалась, особенно в Германии, как проверка духа, жизненности культуры и национального уклада. С войной связывалась надежда на возрождение национальных культур, которые должны были «очиститься» от буржуазного вырождения и пройти испытание огнем.²

Идея духовности войны как основа ее легитимации в наибольшей степени была популярна в сознании молодого поколения европейцев — «поколения 1914 года», феномен которого исследован Р. Волом.³ Сторонники национального возрождения среди молодых интеллектуалов видели в качестве одного из путей спасения цивилизации от упадка неожиданную «травму» или «удар судьбы». Единственное спасение от вялости буржуазного самодовольства, которое большинство юных европейцев могло себе вообразить, пишет Р. Вол, было связано в их сознании с началом всеобщей войны. Представлялось, что на полях сражений и в ситуации чрезвычайного напряжения национальное сознание должно получить импульс к развитию. Война, в их понимании, предлагала средства выхода из тупика предвоенной политики, создавая чувство национального единства и формируя такие черты человека, как самопожертвование, сила духа, смелость, составляющие существо воина.⁴

Изменение внешнеполитического курса России после заключения Тройственного союза и Франко-русского альянса не могло не сказаться на пересмотре в сознании российского общества «ментальной карты» Европы. Как справедливо отмечает О. Ю. Малинова, конструирование образов новых «друзей» и новых «врагов» предполагало ревизию сложившихся «репертуаров смыслов». Наиболее очевидным направлением этой ревизии был перенос негативных оценок Запада на образ Германии и поиск признаков культурной общ-

ности и (или) прагматических оснований для солидарности с Англией и Францией.⁵

Участие России в соперничестве великих держав и реальные перспективы назревающей общеевропейской войны не могли не отразиться на расширении в начале XX в. ее национальных притязаний. На основании этого некоторые западные историки делают акцент на российских амбициях в отношении проливов, которые и привели к войне.⁶ Однако, как отмечает Д. Ливен, «российские амбиции следует рассматривать в контексте эпохи империализма, когда Британия захватывает Египет, чтобы получить контроль над Суэцким каналом, а США оккупируют Панамский перешеек для контроля над ключевым военным и торговым маршрутом из Атлантического океана в Тихий. Проливы имели для России даже более важное значение, чем Суэц для британцев и Панама для американцев».⁷

Специфика социокультурной ситуации в России в начале XX в. обусловила слабость официальной пропаганды, направленной на идейно-психологическую подготовку к войне, способную оказать воздействие на массовое сознание. Это определялось рядом причин: опасениями неадекватного восприятия низами антинемецкой агитации; недостаточной готовностью страны к войне в силу запаздывания в реализации военно-технических преобразований; предвидением возможных трагических последствий неудачной войны; германофильскими настроениями части правящей российской элиты и династическими связями российского императорского дома; опасениями дать дополнительный импульс панславистским настроениям; неудачным пропагандистским опытом «полицейского социализма»; недоверием по отношению к общественности, тем интеллектуальным силам, которые могли бы вести эту работу более эффективно. Я. Хубертус справедливо отмечает, что панславистская пропаганда, не поощряемая правительством, не совпадала с образцами народного патриотизма и не была ориентирована на широкие народные массы.⁸

В политико-правовой сфере Россия на рубеже XIX–XX вв. представляла традицию

¹ См.: Jelavich P. German culture in the Great War // *European culture in the Great War: The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914–1918*. Cambridge, 1999. P. 43.

² См.: Wohl R. *The Generation of 1914*. Cambridge, Mass., 1979. P. 216; Jelavich P. *Op. cit.* P. 32–57; Davis B. *Experience, Identity, and Memory: The Legacy of World War I* // *The Journal of Modern History*. 2003. Vol. 75, № 1. P. 123; Ferguson N. *The Pity of War*. London, 1998. P. 201.

³ См.: Wohl R. *Op. cit.*

⁴ См.: Ibid. P. 216.

⁵ См.: Малинова О. Ю. Первая мировая война и переопределение «Запада» // *Труды по русистике*. М., 2009. Вып. 1. С. 208.

⁶ См.: McMeekin S. *The Russian Origin of the First World War*. Cambridge, Mass., 2011.

⁷ Ливен Д. *Навстречу огню. Империя, война и конец царской России*. М., 2017. С. 22.

⁸ См.: Hubertus F. J. *Patriotic Culture in Russia during World War I*. Ithaca; New York, 1995. P. 4.

международного права, связанную с идеями мирного разрешения международных споров и правовыми ограничениями в ведении войны. Концепцию их реализации предложил выдающийся российский юрист, специалист в сфере международного права Ф. Ф. Мартенс, ставший одним из организаторов созванных по инициативе Николая II Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг., выработавших международные конвенции о законах и обычаях войны.⁹ Накануне войны в России сложилась традиция подготовки армейских кадров, формировавшая представления о недопустимости нарушений подобных «обычаев и законов». В процессе воспитания офицерского корпуса насаждался рыцарский кодекс поведения по отношению к неприятелю. Командный состав и нижние чины должны были следовать «Наказу русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», введенному во время Русско-японской войны. В нем, в частности, говорилось: «Воюешь с неприятельскими войсками, а не с мирными жителями. Рази врага в честном бою. Безоружного врага, просящего пощады, не бей. Уважай чужую веру и ее храмы. Когда окончилось сражение, раненого жалеи и старайся по мере сил помочь ему, не разбирая — свой он или неприятельский. Раненый уже не враг твой».¹⁰

Первая мировая война впервые в истории породила феномен «управления мнениями» посредством официальной и неправительственной пропаганды.¹¹ Несмотря на противоречие между пропагандой и живой реальностью, совокупный эффект битвы за сердца и умы оказывал глубокое, многогранное и многоуровневое психологическое воздействие на общество. Этот динамический процесс породил «перегретую» среду, активное взаимодействие между «горизонтальной» пропагандой (спонтанно возникавшей изнутри общества и отвечавшей на его потребности) и «вертикальной» пропагандой, исходящей от государства.¹²

Изучение военной пропаганды на материале России и стран Запада показало, что обоснование войны во всех государствах базировалось на мифологии политических режимов и «национальных ценностях», в каждой стране сложился особый механизм пропаганды, но ее «техника» имела универсальные черты, велась «война образов», «война идентичностей». Важной целью пропагандистских усилий власти и общества, направленных на патриотическую мобилизацию, стало создание и обоснование образа справедливой войны.

Традиционное понимание справедливой войны с точки зрения правовой, как отмечают исследователи, совпадает с идеей оборонительной войны против внешнего агрессора.¹³ Концепт оборонительной войны определил общий характер представления начавшегося конфликта в официальном политическом дискурсе и пропаганде во всех участвовавших в нем странах. Обобщив опыт пропаганды в условиях Великой войны, Г. Лассуэлл писал, что «каждая война должна быть представлена... обороной против угрожающего, жестокого зачинщика... Преступность и простодушие должны быть разграничены географически, причем вся преступность должна находиться по ту сторону границы. Для возбуждения в народе ненависти к противнику пропагандист должен позаботиться, чтобы циркулировало все, что устанавливает исключительную ответственность неприятеля».¹⁴

Разработка идей справедливой оборонительной войны началась в России после ее вступления в конфликт 19 июля 1914 г. и велась с позиций защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательств других держав. Николай II в Высочайших манифестах от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией обозначил причины и характер участия России в европейском конфликте как защиту территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единоверных братьев-славян».¹⁵ Тот факт, что Германия первой объявила войну России, активно использовался для обоснования ее оборонительного характера.

В условиях патриотического подъема начала войны эти представления получили яркое

⁹ См.: Eyffinger A. The 1899 Hague Peace Conference. "The Parliament of Man, The Federation of the World". Hague; London; Boston, 1999. P. 177; Quataert J. H. International Law and the Laws of War // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/international-law-and-the-laws-of-war> (дата обращения: 19.01.22).

¹⁰ Ухач-Огорович Н. А. Психология толпы и армии. Киев, 1911. С. 44.

¹¹ См.: Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л., 1929.

¹² См.: Fox J. Making Sense of the War // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/making_sense_of_the_war (дата обращения: 15.12.2021).

¹³ См.: Comparative just war theory: an introduction to international perspectives. Lanham, 2019.

¹⁴ Лассуэлл Г. Указ. соч. С. 55.

¹⁵ Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914. С. 1.

воплощение в концепте «Второй Отечественной войны», транслировавшемся легальными изданиями. Он включал идеи об исключительной ответственности Германии, стремящейся к мировому господству, за развязывание войны, о ее причинах, обусловленных полувековой политикой агрессивного германского милитаризма: «Во главе милитаристского движения последние пятьдесят лет стояла Германия, она стремилась к мировой гегемонии», — писала «Оренбургская жизнь» 26 августа 1914 г. «Она [Германия — О. П.] в течение многих лет готовилась к кровопролитию, Россия же не хотела войны», — констатировала «Уральская жизнь».¹⁶ В публикации «Великая борьба» «Оренбургской газеты» отмечалось: «Властный курс германизма породил в Европе тот милитаризм, который своей тяжестью душил жизнь народов, все культурные начинания».¹⁷ «Пермские ведомости» объясняли происхождение войны «стремлением Германии господствовать в срединной (Центральной) Европе, в том числе на Балканах», отмечая, что «причина войны глубже повода (защита Сербии) — германский агрессивный милитаризм, стремление к мировому господству».¹⁸ В прессе отрицалось наличие у России захватнических устремлений, утверждалось, что только Россия вступила в войну «по чувству», в защиту Сербии, остальные страны — «по рассудку», из практических соображений.¹⁹

Наиболее распространенным было сравнение Великой войны с Отечественной войной 1812 г. Журнал «Вестник Европы» констатировал: «Война — вторая отечественная война»;²⁰ писатель К. Арсеньев сравнивал войну 1914 г. с «войной против Наполеона».²¹ В сообщении корреспондента «Петроградских ведомостей» из Саратова говорилось: «Мне кажется, что современное настроение, господствующее в народных массах, ближе всего подходит к настроению 1812 г. (серьезное, трезвое)».²² В статье «Московских ведомостей», посвященной ситуации в Петрограде в связи с объявлением войны, корреспондент отмечал: «Старики говорят, что с турецкой войны не было такого одушевления в народе, да в 1812 г., прибавля-

ют они, по воспоминаниям, — наблюдался такой подъем духа у наших предков».²³ Такое же настроение, по данным газеты, царило в провинции: «Народное воодушевление охватило всю Россию. Со времен 1812 г. не было такого воодушевления. Исчезло левое и правое, нет ни эллина, ни иудея, а только русские, грудью встающие на защиту страны, или приносящие такие жертвы, о которых не было слышно в прежние времена».²⁴ Параллели с Отечественной войной 1812 г. проводились и в первую годовщину мировой войны.²⁵

Важным аспектом легитимации войны в России, как и в странах Антанты, было ее религиозное обоснование, связанное с пониманием войны как формы спасения, излечивающей недуги современного общества. Официальная Церковь во всех странах использовала термин «священная война», надеясь изменить место религии в жизни нации во все более светский век.²⁶ Церковь пыталась вернуть войне и насилию в целом статус атрибута божественной власти, усилить роль сакрального начала в легитимации войны. Идея войны за христианские ценности использовалась обеими сторонами мирового конфликта, но в наибольшей степени ее эксплуатировали священники и правительственные деятели стран Антанты, пропагандировавшие «священную войну» против Германии. Н. Фергюсон резонно замечает, что это была пропаганда «крестового похода» в защиту христианских ценностей в отсутствие «неверных» и межконфессионального конфликта, а проповеди зачастую носили гротескный характер.²⁷

В России духовно-религиозная концепция «справедливой войны» включала идеи выполнения особой сакральной миссии — защиты славян, Европы и мира от «германизма». Последний ассоциировался с жестокостью, стремлением к завоеваниям, националистическим высокомерием, отрицанием христианских ценностей.²⁸ Рациональные мотивы переплетались в дискурсе пропаганды, рассчитанной на широкую читательскую аудиторию, с политико-религиозными символами и мифами. В прессе говорилось о религиозно-нравственном смысле

¹⁶ Оренбургская жизнь. 1914. 26 авг.; Уральская жизнь. 1914. 22 июля.

¹⁷ Оренбургская газета. 1914. 24 сент.

¹⁸ Пермские ведомости. 1914. 1, 8 авг.

¹⁹ Оренбургская жизнь. 1914. 1 авг.

²⁰ Вестник Европы. 1914. № 8. С. 423.

²¹ Там же. С. 427.

²² Петроградские ведомости. 1914. 24 авг. (6 сент.). № 191.

²³ Московские ведомости. 1914. 23 июля. № 170.

²⁴ Там же. № 172. 25 июля.

²⁵ См.: Биржевые ведомости. 1915. 19 июля (1 авг.), вечерний выпуск.

²⁶ Fox J. Op. cit.

²⁷ См.: Ferguson N. Op. cit. P. 207–209.

²⁸ См.: Великая война России за свободу и объединение славян. М., 1914. С. 133; Россия борется за правду. М., 1914. С. 4.

войны как о гигантском борении сталкивающихся сил, имеющем глубинный смысл «сотворения нового через Апокалипсис», о призывании России, в соответствии с промыслом Божиим, «совершить свой жертвенный подвиг, сокрушить злые силы германизма».²⁹

Представители неославизма, деятели московского Религиозно-философского общества Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн и др. встраивали идеи о религиозно-нравственном смысле войны в концепцию национальной миссии России. В. Ф. Эрн писал по этому поводу: «Нет, Германия не Европа! Европа анафематствует силу, идущую против права, анафематствует культурное озверение, анафематствует забвение чести и совести», — призывал к единству России с «истинною», христианской Европой, которую представляли союзники, боровшиеся с германской агрессией, порожденной, как утверждалось, антихристианскими тенденциями на Западе.³⁰ С. Булгаков писал о борьбе России и ее союзников с «германизмом» как с «концентрированным выражением духа новоевропеизма, духовных основ мещанства, узкорациональных начал».³¹

Е. Н. Трубецкой в речи, произнесенной на публичном заседании Московского религиозного общества 6 октября 1914 г., выделял две черты русского общественного настроения — слабый интерес к возможным территориальным приобретениям и повышенный интерес к освободительной миссии России.³² Л. Н. Андреев в публикациях и свидетельствах начала войны также зафиксировал эту тенденцию. Он отмечал, что, помимо рациональных представлений о целях войны, выраженных в формулах «возрождение Польши», «война против войны», «борьба с империализмом и милитаризмом», «воссоединение национальных единств», «борьба христианства с язычеством», столкновение «культуры материальной и механической с культурой живой и духовной», была «мечта», которая не исчерпывалась этими формулами, была шире их.³³

Переживание сакрального смысла войны, его религиозное понимание находили воплощение в распространении символической ка-

тегории борьбы за «правду» «Святой Руси».³⁴ В патриотических брошюрах, православных изданиях, клише газетных публикаций этот символизм находил яркое воплощение. «Россия борется за Богом благословенную правду»,³⁵ «Русь всегда боролась за правое дело, за справедливость»,³⁶ «Миролюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев»,³⁷ — эти символы мифы исторического сознания и в целом национального самосознания имели глубокую культурную укорененность, оказывая влияние в начале войны на восприятие событий. Среди крестьян были популярны создававшиеся в традиционном стиле лубки, которые они вывешивали в избах рядом с иконами и изображениями святых. Лубки воплощали сакральное видение войны как события космического масштаба, испытания, посланного Богом. Многочисленные плакаты использовали современные версии традиционного изображения святого героя верхом на белом коне для обозначения героизма и создания образа справедливой войны. Такие плакаты воспроизводились в виде открыток, которые, как и лубки, развешивались на стенах домов в городе и в деревне.³⁸

Идеи «Святой Руси» использовались национал-либералом П. Б. Струве в его попытках обосновать справедливый характер войны России и ее союзников. В статье «Великая Россия и Святая Русь» он предложил толкование, в соответствии с которым борьба за великую Россию в союзе с западными державами будет направлена на реализацию имперских задач на новой основе представительного строя и правового порядка. В то же время духовной почвой российского государственного и имперского идеала, по П. Б. Струве, является идея Святой Руси, которая не противоречит целям, провозглашенным державами Соглашения, и позволит поэтому народу бороться за их осуществление, неразрывно связанное с реализацией Россией ее собственного славянского предназначения.³⁹ По мере затягивания войны активность использования образов

²⁹ Зауральский край. 1914. 30 нояб.

³⁰ Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия // Сочинения. М., 1991. С. 373, 376, 397.

³¹ Булгаков С. Война и русское самосознание. Публичная лекция тип. т-ва И. Д. Сытина. М., 1915. С. 21–33, 44–56.

³² См.: Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. С. 88.

³³ Андреев Л. Н. В сей грозный час. Пг., 1914. С. 66–69.

³⁴ Россия борется за правду. М., 1914.

³⁵ Там же. С. 4.

³⁶ Там же. С. 30.

³⁷ Великая война 1914 года. Пг., 1914. С. 4.

³⁸ См.: Petrone K. Family, Masculinity, and Heroism in Russian War Posters of the First World War // Borderlines. Gender and Identities in War and Peace, 1870–1930. New York, 1998. P. 98.

³⁹ См.: Струве П. Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 177–180.

«славянской пропаганды» в обосновании справедливости ее целей стала снижаться.⁴⁰

Анализ Дж. Агамбеном взглядов мыслителей на проблему диалектики насилия и права показывает, что насилие всегда утверждает/поддерживает право.⁴¹ Поэтому неслучайно, что обоснование войны в странах Антанты включало поиск политико-правовых основ справедливого мира как концепции, вносящей «прогрессивный» элемент в теорию справедливой войны.⁴² Составляющими концепта войны в странах Тройственного согласия стали идеи обновления на новых правовых основаниях системы международных отношений как результата победы в войне. Политико-правовая легитимация войны со стороны союзников была выражена в лозунге «война, которая положит конец всем войнам»,⁴³ впервые сформулированном в серии статей Г. Уэллса в августе 1914 г., изданных затем отдельной брошюрой.⁴⁴

Широкое распространение лозунга «война, которая положит конец войнам», и связанные с ним представления получили и в России, как в обеих столицах, так и в провинции. Победа Антанты рассматривалась в российских изданиях либерального и демократического толка, общественными деятелями и публицистами как условие установления после войны «вечного мира», нового мирового порядка, основанного на «силе права» в противовес «праву силы». Этот новый порядок, основанный на принципах мирного сотрудничества народов, сделал бы, согласно данной концепции, войны в будущем невозможными: «Современная война — это борьба между силой и правом, и ее конечным результатом будет уничтожение милитаризма», «Победа одной из сторон будет знаменовать не возвышение одной державы над другой, не новые географические границы, а полное изменение нравственного облика будущих политико-социальных форм», «Никогда не делалось более сильного скачка в направлении к вечному миру, как именно этой войной, с ее окончанием начнется новая

история международных отношений», «Мы и наши союзники ведем настоящую войну против войны», — вот лишь некоторые характерные высказывания публицистов на этот счет, демонстрирующие господство утопических представлений и идеалистических иллюзий в оценке тенденций развития послевоенных отношений.⁴⁵

Первым и основным условием нового международного порядка должен был стать, в соответствии с этими воззрениями, полный разгром Германии и ее союзников и искоренение германского милитаризма. Газета «Уральская жизнь» в статье «Конечные цели европейской войны» писала: «Европейская война ведется сейчас за торжество идей мира и единения народов против разрушителя их германского юнкерства <...> Мировая война, какая началась сейчас... ведется не для завоеваний..., а за установление нового международного строя».⁴⁶ В статье Вильдера, опубликованной в либеральном «Зауральском крае» в декабре 1916 г., был дан обзор событий мировой войны и охарактеризованы ее задачи: «“Война против войны”, — с начала возникновения настоящей мировой катастрофы является лозунгом для всех объединившихся в борьбе против прусской военной касты, вселяющей вечную тревогу своим стремлением к мировому господству. С этой стороны для союзных наций настоящая война имеет глубокий нравственный смысл (“право выше силы”)».⁴⁷ В российской пропаганде транслировался и другой смысл лозунга «война, которая положит конец всем войнам», связанный с борьбой России с ее историческим «вековым врагом» — Турцией. Популярный плакат «Война с турками в Закавказье» содержал подпись: «Эта война будет последней и завершит изгнание турок из Европы».⁴⁸

Следует отметить, что данные идеи, будучи в то время пропагандистским мифом, отражали тенденцию распространения в условиях и под влиянием мировой войны представлений о необходимости внедрения правовых принципов в международные отношения, при этом само понятие мира стало неотъемлемой частью идей международного сотрудничества и коллективной безопасности, которые до

⁴⁰ См.: Асташов А. Б. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 37.

⁴¹ См.: Агамбен Дж. *Homosacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М., 2011. С. 85.

⁴² Fox J. Op. cit.

⁴³ Marquis A. G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War // *Journal of Contemporary History*. 1978. Vol. 13, № 3. P. 486.

⁴⁴ См.: Wells H. G. *The War that will End War*. London, 1914.

⁴⁵ Зауральский край. 1915. 27 марта; Оренбургская газета. 1914. 9 окт.; Уральская жизнь. 1915. 18 марта. 1916. 10 апр.; Оренбургская жизнь. 1914. 21 окт.

⁴⁶ Уральская жизнь. 1914. 27 июля.

⁴⁷ Зауральский край. 1916. 25 дек.

⁴⁸ Petrone K. Op. cit. P. 111.

этого оставались уделом лишь миротворческих движений.⁴⁹

В обосновании легитимности насилия в отношении врага, оправданности его уничтожения важное значение имели представления о жестокости противника. Они отражали наличие второй, помимо критерия причин, составляющей концепта справедливой войны — соблюдения этических/религиозных/правовых норм и средств ее ведения. При оценке второго критерия судят о том, как ведется война — справедливо или несправедливо.⁵⁰ В странах Антанты важную легитимирующую войну роль играл концепт «германских зверств», под которыми преимущественно подразумевались преступления против гражданского населения Франции и Бельгии.⁵¹ В Великобритании именно пропаганда «германских зверств» была наиболее эффективной среди других видов пропаганды, мотивировавших к участию в войне.⁵² В России нарушение противником законов и обычаев войны, жестокость находили отражение в публикациях прессы, общественных настроениях, фиксировались в официальных документах.⁵³ По мере затягивания войны и нарастания моральной усталости армии расширялись методы военной пропаганды, которая стала включать и разворачивание «кампании ненависти» к врагу. Однако, как отмечает А. Б. Асташов, «зверства» противника «не выглядели столь впечатляющими по сравнению с реальными тяготами войны, невыносимыми страданиями, смертью, ранами, холодом, голодом, палочной дисциплиной в армии, издевательствами над голодными семьями в тылу».⁵⁴ Тема «немецких зверств» не получила, в силу целого ряда причин, столь же яркого воплощения в российской пропаганде, как в других странах Антанты.⁵⁵ Отсутствие воспитания ненависти к противнику было, по мнению А. С. Асташова, отличительной чертой и недостатком российской печати и пропаганды. Русскому солдату, лишенному этого чувства, его пытались привить специально — нагнетанием

шпиономании. Для пропаганды ненависти к противнику необходимо было пройти школу социальной ненависти в процессе борьбы за социальные завоевания, но такой школы в дореволюционной России не существовало.⁵⁶ В то время как пропаганда союзников концентрировала внимание на зверствах «нецивилизованных и бесчеловечных гуннов», российская часто изображала немцев как дураков, существ даже более низкого порядка, чем женщины.⁵⁷

Таким образом, представления о назревавшем конфликте держав зарождались на рубеже XIX–XX вв. в европейских странах и были связаны с обострением межгосударственных и межблоковых противоречий, сопровождаясь переформатированием «ментальной карты» Европы и мира в сознании народов. Идея «духовности» войны, способной спасти от буржуазного вырождения, стала основой ее легитимации в представлениях культурных элит и молодого поколения европейцев, «поколения 1914 года».

В России ряд социокультурных и исторических особенностей определили непопулярность идеи войны в сознании влиятельной части государственной элиты, слабость идейно-психологической подготовки к войне, способной влиять на массовое сознание. Образ войны стал формироваться уже после вступления страны в конфликт, базировался на идее оборонительной войны, вызванной внешней агрессией. В российском общественно-политическом дискурсе широко транслировались представления о начавшейся войне как о «второй Отечественной», воплощая с опорой на исторические аналогии концепт справедливой оборонительной войны.

Помимо идеи оборонительной войны основанием ее легитимности в российском общественно-политическом дискурсе выступали представления о духовно-религиозном смысле противостояния, в ходе и результате которого Россия должна выполнить свою сакральную миссию освобождения славян, Европы и мира от «германизма», выполнить свое историческое предназначение, воплотив в жизнь обновленный идеал «Святой Руси», «борющейся за Правду». Идеи о «священной войне с германизмом» встраивались в пропаганде в систему представлений о справедливости целей и задач союзников.

⁴⁹ См.: Мир/Peace. Альтернативы войне от античности до конца второй мировой войны. М., 1993. С. 159.

⁵⁰ См.: Там же. С. 65.

⁵¹ См.: Horne J., Kramer A. German Atrocities 1914. A History of Denial. New Haven, 2001.

⁵² См.: Marquis A. G. Op. cit. P. 486–488; Demm E. Propaganda at Home and Abroad // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/propaganda_at_home_and_abroad (дата обращения: 04.01.2022).

⁵³ См.: Асташов А. Б. Указ. соч. С. 36–46.

⁵⁴ Там же. С. 46.

⁵⁵ См.: Там же. С. 37, 38.

⁵⁶ См.: Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 575.

⁵⁷ См.: Petrone K. Op. cit. P. 110.

Важной составляющей концепта справедливой войны в дискурсе российской прессы стал лозунг «война, которая положит конец всем войнам», выдвинутый Антантой. Он трактовал смысл мирового конфликта в политико-правовом ключе — как пути к установлению новой системы международных отношений, основанной на господстве «силы права» в противовес «праву силы», символизировавшему главного противника России и ее союзников — Германию. Иллюзии о возможности установления после войны «вечного мира»

широко транслировались либеральными и демократическими органами печати, легитимируя войну задачей достижения великого идеала.

Оправданием насилия в отношении противника и элементом образа справедливой войны были представления о «немецких зверствах», транслируемые пропагандой. Однако в России, несмотря на реальную жестокость средств ведения войны, применяемых противником, этот образ не играл столь же значимой роли, как в странах Антанты.

Olga S. Porshneva

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: porshneva@yandex.ru

THE CONCEPT OF A JUST WAR IN RUSSIAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE (1914–1916)

The article analyzes the representations of the Russian socio-political discourse of 1914–1916, dedicated to the justification of the First World War as a just war on the part of Russia and its Allies. It considers the role of the factors that shaped the image of a just war in the minds of the European political and intellectual elite and the younger generation, as well as the emergence of the idea of “spirituality” of war as the basis for its legitimation. The author stresses the influence of the international conventions on the laws and customs of war on the image of a just war in Russia as well as the specifics of the socio-cultural situation at the turn of the 20th century, which made it difficult to conduct ideological and psychological preparation for world clash that could affect the mass consciousness. The image of a just war began to take shape in Russia after the country entered the conflict and was based on the idea of a defensive war against an external aggressor. The fact that Germany was the first to declare war on Russia, the realities of bloody confrontation contributed to the formation and broadcast the ideas about the “Second Patriotic War”. The concept of the “Second Patriotic War”, which appealed to historical memory, became the embodiment of the idea of a just war in the 1914–1915 Russian socio-political discourse. An important component of the image of a just war in Russia was the notions of the spiritual and religious sense of confrontation. They were embodied in ideas about the implementation of the sacred mission of liberating Europe and the world from “Germanism”, the protection of the Slavs, the “struggle for truth”, the affirmation of the renewed ideal of “Holy Russia”. The ideas of a “holy war against Germanism” got embedded in the discourse of the press into the system of ideas about the fairness of the goals and objectives of the Allies. Another basis for the legitimacy of war was the concept embodied in the slogan “the war to end all wars”. The influential concept of Entente propaganda received a wide response in the Russian liberal and democratic press, which interpreted the meaning of the world conflict in a political and legal terms. The war was seen as a way to establish a new system of international relations based on the rule of the “force of law” as opposed to the “law of force” personified by Germany. Illusions about the possibility of establishing “eternal peace” after the war were widely broadcast in the press, becoming an element of ideas about a just struggle for a better future of mankind. The notions about “German atrocities” widely broadcast by propaganda in the Entente countries were important element of the justification of violence against the enemy and legitimization of the war. In Russia, despite the enemy’s violation of international conventions governing conducting the war and the presence of this topic in the press, the image of “German atrocities” did not play the significant role in socio-political discourse in comparison with the Entente countries.

Keywords: *Russia, First World War, just war concept, socio-political discourse, legitimization of violence*

REFERENCES

Agamben J. *Homosacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homosacer. Sovereign power and bare life]. Moscow: Evropa Publ., 2011. (in Russ.).

- Astashov A. B. [Violation of war laws and war traditions on the Russian front of World War I (on materials of the Russian extraordinary commission of inquiry)]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 2014, no. 2, pp. 35–46. (in Russ.).
- Astashov A. B. *Russkiy front v 1914 — nachale 1917 goda: voyennyy opyt i sovremennost'* [Russian front in 1914 — early 1917: military experience and modernity]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2014. (in Russ.).
- Comparative just war theory: an introduction to international perspectives*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2019. (in English).
- Davis B. Experience, Identity, and Memory: The Legacy of World War I. *The Journal of Modern History*, 2003, vol. 75, no. 1, pp. 111–131. DOI: 10.1086/377750 (in English).
- Demm E. Propaganda at Home and Abroad. 1914–1918-online. *International Encyclopedia of the First World War*. Available at: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/propaganda_at_home_and_abroad (accessed: 04.01.2022) (in English).
- Eyffinger A. The 1899 Hague Peace Conference. *“The Parliament of Man, the Federation of the World”*. Hague; London; Boston: Springer, 1999. (in English).
- Ferguson N. *The Pity of War*. London: Allen Lane, 1998. (in English).
- Fox J. Making Sense of the War. 1914–1918-online. *International Encyclopedia of the First World War*. Available at: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/making_sense_of_the_war (accessed: 15.12.2021) (in English).
- Horne J., Kramer A. *German Atrocities 1914. A History of Denial*. New Haven: Yale University Press, 2001. (in English).
- Hubertus F. J. *Patriotic Culture in Russia during World War I*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995. (in English).
- Jelavich P. German culture in the Great War. *European culture in the Great War: The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914–1918*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 32–57. (in English).
- Lasswell G. *Tekhnika propagandy v mirovoy voyne* [Propaganda Technique in the World War]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1929. (in Russ.).
- Lieven D. *Navstrechu ognyu. Imperiya, voyna i konets tsarskoy Rossii* [Towards the flame. Empire, war and the end of Tsarist Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017. (in Russ.).
- Malinova O. Yu. [The First World War and the Redefinition of the “West”]. *Trudy po rossiyevedeniyu* [Proceedings of Russian Studies]. Moscow: INION RAN Publ., 2009, iss. 1, pp. 205–233. (in Russ.).
- Marquis A. G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War. *Journal of Contemporary History*, 1978, vol. 13, no. 3, pp. 467–498. (in English).
- McMeekin S. *The Russian Origin of the First World War*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. (in English).
- Mir/Peace: Al'ternativy voyne ot antichnosti do kontsa vtoroy mirovoy voyny. Antologiya* [Peace/MIR: an Anthology of Historic Alternatives to War]. Moscow: Nauka Publ., 1993. (in Russ.).
- Petrone K. Family, Masculinity, and Heroism in Russian War Posters of the First World War. *Borderlines. Gender and Identities in War and Peace, 1870–1930*. New York: Routledge, 1998, pp. 95–120. (in English).
- Quataert J. H. International Law and the Laws of War. 1914–1918-online. *International Encyclopedia of the First World War*. Available at: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/international_law_and_the_laws_of_war (accessed: 19.01.2022) (in English).
- Wohl R. *The Generation of 1914*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. (in English).

Для цитирования: Поршнева О. С. Концепт справедливой войны в российском общественно-политическом дискурсе (1914–1916 гг.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 112–120. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-112-120.

For citation: Porshneva O. S. The concept of a just war in Russian socio-political discourse (1914–1916) // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 112–120. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-112-120.